

УДК [821.161.2-31Стороженко:821.161.1-31Короленко].091

**О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
О. СТОРОЖЕНКО И В. КОРОЛЕНКО
О ВСТРЕЧЕ ЧЕЛОВЕКА С ЧЕРТОМ**

Тамара Морева, канд. филол. наук., доц.

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
moreva.tamara@inbox.ru*

В статье анализируются жанровые особенности повести О. Стороженко «Влюбленный черт» и «малорусской сказки» В. Г. Короленко «Судный день». В обоих произведениях происходит встреча человека с чертом. У О. Стороженко фантастика, как и в сказке, явная, в «Судном дне» фантастика имеет завуалированный характер. По своей природе произведение В. Г. Короленко ближе к нравственно-психологической фантастической повести.

Ключевые слова: жанр, фантастика, сказка, параболa, притча, мифопоэтика.

Степень изученности вопроса. Творчество Олексы Стороженко не получило достаточного освещения в литературоведении. Видимо, главная причина этого заключается в том, что исследователи, хотя и отмечали в его произведениях интерес к фольклорному материалу, подчеркивали широкую палитру изобразительных средств, вместе с тем, не находили в повести и рассказах писателя связи с современностью и социальной злободневности. Отдельные аспекты творчества О. Стороженко получили освещение в работах З. Кирилюк, И. Денисюк, П. Хропко. Интересные наблюдения находим в статьях А. А. Слюсаря. К проблеме мифопоэтического прочтения произведений О. Стороженко обращаются А. Е. Няццу и В. Б. Мусий.

Пафос творчества писателя, подчеркивает В. Б. Мусий, «...имел прежде всего этический характер и заключался в требовании моральной чистоты, основой которой ему представлялись патриархальность, любовь к своему народу и человечность» [4, с. 147]. Личность писателя сформировалась в первой половине XIX века, а на характер его идеала повлиял прежде всего ранний романтизм, который утверждал сформулированное просветительским реализмом требование особого внимания к жизни простого человека.

В духе раннего романтизма мир представляется Стороженко единым, где тесно переплетены, постоянно сливаются реальность и сверхъестественное. Черти запросто приходят к людям, и те ничуть

этому не удивляются. «Доживав віку старий запорожець... він... чортів не цуравсь. Інколи й біси до його наvertsались, то він було розпитує їх і бавиться з ними» («Чортова корчма») [6, с. 145]. А люди ходят на веселые праздники чертей: «Випив запорожець і другу. Якось йому повеселішало, неначе помолодшав... випив, трошки оддыхав і знов пішов із чортом козачка» [6, с. 147].

Встреча человека с чертом показана и в «Судном дне» В. Г. Короленко. К решению проблемы жанровой специфики этой «малорусской сказки» обращалась В. И. Мацапура. Как отметила исследовательница, это произведение соединило в себе «элементы русской сказки, бытовой зарисовки, пародии, притчи» [3, с. 45]. По мнению В. И. Мацапуры, богатство проблематики и сложное переплетение мотивов в нем приближает его к «фантастической повести». На признаках сказки в «Судном дне» сосредоточила свое внимание Л. В. Дереза [1, с. 128].

Изложение материала. «Судный день», как и «Влюбленный черт», и в самом деле представляет собой сложное в жанровом отношении художественное явление. Начнем с того, что он обозначен автором как сказка. О «сказочной» природе произведения свидетельствует, прежде всего, наличие в нем фантастики. Однако ее характер в «Судном дне» не совсем обычен. Как правило, в сказке фантастика явная: ни читатель, ни герои, ни рассказчики не сомневаются в сверхъестественном характере происходящего.

Именно такую ситуацию мы наблюдали в повести О. Стороженко «Влюбленный черт». Старик рассказывает историю, приключившуюся с его дедом — запорожским казаком. И все невероятные события этой истории воспринимаются читателем как реальные. Как отмечает В. Б. Мусий, «...во «Влюбленном черте» отсутствует мотив разделения людей на тех, кто принадлежит «этому» или «потустороннему» мирам» [4, с. 148].

О. Стороженко изображает Украину прекрасной сказочной страной, где всегда ярко светит солнце, где люди живут, не зная ни горя, ни несчастья, ни проблем. Мир, окружающий этих людей, населен чертями, ведьмами, оборотнями. Это единение мира реального и потустороннего органично в повести О. Стороженко. Такое восприятие отвечает духу народной мифологии.

Судя же по оценке рассказчиком истории, приключившейся с новокаменским мельником, фантастика в «Судном дне» имеет заву-

алированный характер. Рассказчик перед изложением событий обращается к читателям (слушателям) не требовать от него, чтобы он «побожился, что это все правда». «Ни за что не побожусь, — заявляет он, — потому что хоть слышал я ее от самого мельника, а все-таки и до сих пор не знаю, было это на самом деле или не было...» [2, с. 69]. И заканчивает совсем уж двусмысленно: «Ну, да уж было или не было, а рассказывать надо, как было» [2, с. 69–70]. Итак, он не исключает того, что встреча с чертом просто приснилась мельнику, но не может отрицать и реальности всего чудесного, что с тем произошло.

Как правило, в сказке, как и в рассказах и повестях, включающих в себя сказочное начало, развивается ряд традиционных мотивов. Применительно к «Судному дню» и рассказу Стороженко нужно, в первую очередь, вести речь о мотиве столкновения человека с чертом. На нем строясь, к примеру, «Сказка о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина, «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя, «Приключение черта» («Чортова пригода») Марка Вовчка, «Бес на вечерницах» Г. П. Данилевского. В каждом из них человеку удается перехитрить и победить черта. Так происходит во «Влюбленном черте».

Герой повести становится свидетелем свидания черта с ведьмой, которая согласилась выйти замуж за черта с условием, что тот исполнит ее желание. Ведьма пожелала спасения. Запорожец влюбляется в нее и делает все, чтобы спасти ее душу, избавить от нечистой силы. Кирила честен, прям, справедлив, великодушен. Ему совершенно незнакомы симптомы мучительного разлада с окружающей действительностью. Он — личность непосредственная и цельная. Вместе с тем он считает позволительной хитрость в отношениях с простодушным чертом Трутиком.

Черт становится верным помощником запорожца. В образе Трутика совмещаются реальные человеческие черты с фантастическими. Он влюбляется в девушку-ведьму, держит свое слово, верно служит запорожцу. Когда Кирила, удивившись поведению черта, спрашивает его: «Розкажи мені, чорте... яким се побитом ти закохався у відьму?» — Трутик печально отвечает ему: «Е, братіку... І у нас серце, таке ж, як і в вас, і з тим же проклятим коханням!» [6, с. 88]. Черт показан с лукавой насмешливостью, благодаря чему фантастика часто переключается в бытовой, юмористический план. В фантастике О. Стороженко нет ничего мистически-таинственного. Она тесно связана с фольклорными истоками, с народной поэзией, мифом.

Счастлиое решение проблемы возможно в повести именно благодаря наличию фольклорного начала. Влюбленный в Одарку черт Трутик, надеясь пожить с ведьмой десять лет, просит ее не торопиться с очищением души. Но казак Кирила догадывается о его хитрости и проявляет смекалку: «Е, ні, чорте, — перебив дід (историю повествователюу рассказывает повстречавшийся ему в пути столетний старик — внук запорожского казака Кирилы), — за десять літ багато води утече; поки сонце зійде, роса очі виієть. За десять ліг або відьма дуба дасть, або пустельника господь до себе прийме. Ні, так не можна! Починаючи таке добре діло, треба зараз іти до пустельника за благословенієм» [6, с. 87]. Черт, как помощник казака, помогает найти пустынного, служит Кириле пять лет конем, охраняет его от всех врагов.

Обращает на себя внимание необычность мотива столкновения человека с чертом в «Судном дне» В. Г. Короленко. Известно, что он присущ не только сказке, но и не сказочной прозе. Это особенно касается тех случаев, когда, как и в «Судном дне», черт исполняет роль существа, карающего человека за грех мздоимства, и таким образом играет «благотельную роль». В качестве примера назовем текст «Черт соблазнил пустынного», опубликованный под номером 309 в двенадцатом томе «Библиотеки русского фольклора». К спасавшемуся тридцать лет и сытому «одним святым духом» пустынного явился в облике старика нищего черт и соблазнил того куском мяса: попросил сварить мясо, а сам притворился спящим. Пустынный сначала попробовал, сварилось ли оно, а потом не выдержал и все съел. Потом черт уговорил пустынного пойти в город посмотреть на людей. Тому понравилось «мирское житье», у него «разгорелось сердце», поэтому когда у черта кончились деньги, он согласился отправиться в амбар к купцу и ограбить его. Во время дележа украденного черт распределил деньги на три кучки, сообщив, что третья кучка — для того, кто у него из котла кусок говядины украл. Бывший пустынный признался, что это сделал он. Когда же он взял причитавшиеся ему деньги, он тут же умер. «И дьяволы схватили его душу и утащили в ад» [5, с. 448–449]. Известен также сюжет легенды о наказании чертом кузнеца. В одних случаях — за то, что тот перестал уважать черта (такой текст приведен в указанной нами книге под номером 308). В других — за то, что кузнец стал нарушать другие нравственные заповеди. Остановившись на сюжете легенды о черте, наказавшем кузнеца за жадность,

Ю. И. Юдин писал: «Наделенным особыми способностями оказывается здесь не человек, а его мнимый напарник, наказывающий за корыстолюбие. Совсем иначе разработано столкновение кузнеца и черта в бытовой сказке. Здесь кузнец не только побеждает черта, но и высмеивает его, жестоко глумится над ним» [8, с. 134]. В «Судном дне» образ Хапуна имеет такой же амбивалентный характер. С одной стороны, он похищает человека, то есть выполняет роль вредителя. Но, с другой, — он похищает за грехи. Таким образом, В. Г. Короленко в этом своем произведении широко использует элементы не только сказочной поэтики, поэтому «Судный день» ближе к легенде или фольклорному суеверному рассказу. Показательно, что Л. В. Дереза свою статью, в которой она соотнесла «Судный день» В. Г. Короленко со сказкой, назвала «Элементы фольклорной казки у неказковой прозы В. Г. Короленка». Она обратила внимание на однолинейность сюжета, благополучный финал завершения истории встречи человека с чертом в произведении, на то, что, как это и свойственно сказке, все фантастическое представляется в нем как реальное. Все это исследовательница связывает с ориентацией В. Г. Короленко на фантастическую повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Однако жанр «Судного дня» эта исследовательница обозначила как «фантастическая повесть» [1, с. 129].

В эпосе традиционно выделяются группы художественно-риторических, повествовательных и лироэпических и, наконец, художественно-документальных жанров. Сам автор, обозначив «Судный день» как «малорусскую сказку», подчеркнул ключевую роль в нем параболы, которая лежит в основе таких жанров, как литературная сказка, притча, басня, аполог. Все они, в свою очередь, в той или иной мере связаны с мифом. В большей степени эта связь с мифом очевидна в притче, которая приобщает слушателя (читателя) к коренным проблемам мироустройства. Но она есть и в сказке, которая тоже отсылает слушателя (читателя) к универсальному, но на примере истории частного характера. Посмотрим, какое место параболы занимает в решении вопроса о жанровой природе «Судного дня».

Рассматривая притчу как «прахудожественный речевой жанр», В. И. Тюпа указывает на то, что картина мира, моделируемая ею, предполагает «ответственность свободного выбора в качестве бытийной компетенции персонажа» [7, с. 31]. В этом акте выбора «осуществляется (или преступается) не предначертанность судьбы, а некий

нравственный закон, собственно и составляющий морализаторскую «премудрость» притчевого назидания». Как это и свойственно притче, в «Судном дне» В. Г. Короленко идет речь о «типовых поступках в типовых ситуациях, о том, что, по убеждению соучастников притчевого дискурса, случается постоянно и со многими» [7, с. 31]. И что, добавим, должно послужить уроком любому частному человеку, оказавшемуся в подобной «типовой» ситуации.

«Малорусская сказка» В. Г. Короленко, как и «Влюбленный черт», в большей мере близка группе художественно-повествовательных жанров эпоса. Их ядро составляет не само по себе чудо, а нравственное преображение героя. Как и другим параболическим произведениям, «Судному дню» присуща условность. Не случаен урок в заключительной части: любой, кто по примеру мздоимцев Янкеля или мельника поставит меркантильность выше человечности, будет похищен Халпуном. Однако речь все же идет главным образом о судьбе конкретного, а не условного человека. Причем, хотя о том, что произошло с мельником, сообщает другой человек, то есть приведен взгляд на события «со стороны», читатель не забывает, что поведал рассказчику о случившемся сам мельник. И, скорее всего, после того, как пережил нравственное преображение. Именно «угол зрения» мельника на события и воссоздается в «Судном дне». Тот вспоминает, каким он был, что он думал накануне того, как Харько рассказал ему о «иом-кипуре», каким представлялся ему мир природы и какие чувства рождали в нем встречи с обитателями села. И таким образом читатель невольно видит события через восприятие не рассказчика, который не был даже свидетелем того, о чем повествует, а героя. Отсюда возможность судить о развитии в «Судном дне» психологизма. И В. Г. Короленко завершает свое произведение назидательным поучением: «...есть такие люди, что как выслушают эту историю, так и начнут лаяться на тебя, как собаки. Так я таким скажу вот что: лайтесь себе, сколько охота, а только я вам посоветую по правде, берегитесь, как бы не случилось чего с вами, как с мельником. Так вот, добрые люди, берегитесь вы немного, как бы не случилось с вами чего недоброго...» [2, с. 70].

В повести О. Стороженко подобный урок отсутствует. В финале рассказывается о том, что казак, взяв в жены спасенную Одарку, счастливо зажил с ней в новом доме на берегу реки.

Выводы. У О. Стороженко историю о влюбленном черте рассказывает древний старик — внук запорожца Кириллы. Поэтому все

повествование тесно связано с фольклорными истоками, с народной поэзией, опирается на народные представления о дружбе и товариществе. И, видимо, говорить о психологизме в этой повести можно лишь в аспекте его ранней стадии развития.

На наш взгляд, «Судный день» В. Г. Короленко по своей жанровой природе ближе нравственно-психологической фантастической повести, ядро которой составляет динамика внутренней природы персонажа, пережившего встречу со сверхъестественным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дереза Л. В. Элементы фольклорної казки у неказковій прозі В. Г. Короленка / Л. В. Дереза // Феномен В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття. — Полтава: ПДПУ, 2004. — С. 126–130.
2. Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 5 т. / В. Г. Короленко. — Л.: Художественная литература, 1989. — Т. 2. — 1989. — 632 с.
3. Мацапура В. И. Рассказ В. Г. Короленко «Судный день»: особенности поэтики / В. И. Мацапура // Русский язык и литература в учебных заведениях: научно-методический журнал. — 2011. — № 2. — С. 44–53.
4. Мусий В. Б. Миф в художественном освоении мировосприятия человека литературной эпохи предромантизма и романтизма / В. Б. Мусий. — Одесса: Астропринт, 2006. — 431 с.
5. Народная проза / под ред. А. Б. Ковалева. — М.: Русская книга, 1992. — 608 с. — (Б-ка русского фольклора; т. 12).
6. Стороженко О. Твори: у 2 т. / Олекса Стороженко. — К.: Художня література, 1957. — Т. 1. — 437 с.
7. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь: Тверской государственный университет, 2001. — 58 с.
8. Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки) / Ю. И. Юдин. — М.: Лабиринт, 2006. — 336 с.

ПРО ЖАНРОВІ ОСОБЛИВОСТІ ТВОРІВ О. СТОРОЖЕНКА І В. КОРОЛЕНКА ПРО ЗУСТРІЧ ЛЮДИНИ З ЧОРТОМ

Тамара Морєва, канд. філол. наук, доц.

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

У статті аналізуються жанрові особливості повісті О. Стороженка «Закоханий чорт» і «малоросійської казки» В. Г. Короленка «Судний день». В обох творах відбувається зустріч людини з чортом. В О. Стороженка фантастика, як і в казці, є явною, тоді як у «Судному дні» фантастика має завуальований характер.

За своєю природою твір В. Г. Короленка є ближчим до морально-психологічної фантастичної повісті.

Ключові слова: жанр, фантастика, казка, парабол, притча, міфопоетика.

ON GENRE PECULIARITIES OF WORKS BY O. STOROZHENKO AND V. KOROLENKO NARRATING AN ENCOUNTER OF MAN AND DEVIL

Tamara Moreva, Candidate of Philology, associate professor

*Department of World literature Odessa I. I. Mechnikov National University, of Ukraine
moreva.tamara@inbox.ru*

The author of this article contemplates rather a curious problem that is illustrative for understanding the poetics of the Russian literature of the 19th century, — intensification of an element of convention in the fiction. By recurring to the genre of a fairy tale, both O. Storozhenko, a Romanticist, and V. G. Korolenko, a representative of the literary realism of the last third of the 19th century, succeeded in expressing the national model of the world. The writers correlated the events happening to their contemporary with the universal, supertemporal categories. The author of this article draws on the advanced and most promising, as they seem to be nowadays, literary strategies: mythopoetics and narratology, in particular; works by V. I. Tyupa.

The analysis of the works by O. Storozhenko and V. G. Korolenko dedicated to an encounter of man and the devil enables to conclude that the fantasy by Storozhenko is express, like in a fairy tale. The fantasy in the work by V. Korolenko is implicit.

The singularity of the Little Russian fairy tale «The Judgement Day» is a peculiar flavour of convention; speaking of this work; development of a psychological insight can be mentioned.

The plot of the novel «A Devil In Love» by O. Storozhenko ascends to fairy tales and legendry and has an express mythopoetic core.

Key words: genre, fantasy, fairy tale, parable, apologue, mythopoetics.

REFERENCES

1. Dereza, L. V. (2004), «Elements of folk tale in non-tale prose by V. G. Korolenko», Fenomen V. G. Korolenka: poglyad iz III ty'syacholittya, [Phenomenon of V. G. Korolenko: Outlook from III Millennium. Collection of scientific articles], PSPU, Poltava, pp. 126–130 [in Ukrainian].
2. Korolenko, V. G. (1989), *Sobranie sochinenii* [Collected Works (Vol. 1–5)]., vol. 2, Hudozhestvennaja literature, Leningrad [in Russian].
3. Macapura, V. I. (2011), «A story by V. G. Korolenko «Judgement day»: features of poetics», Russkij jazyk i literatura v uchebnyh zavedenijah: nauchno-metodicheskiy zhurnal, [Russian language and literature in educational establishments: scientifically-methodical magazine], no. 2, pp. 44–53 [in Russian].

4. Musij, V. B. (2006), Mif v hudozhestvennom osvojeniji mirovospijatija Cheloveka literaturnoj epohi predromantizma i romantizma [Myth in artistic investigation of human s worldview by literature of preromantic and romantic epoch], Astroprint, Odessa [in Russian].
5. Kovalev, A. B. (1992), Narodnaja proza [Folk prose], Russkaja kniga, Moscow [in Russian].
6. Storozhenko, O. (1957), Tvory [Literary works (Vol. 1–2)], Kyiv [in Ukrainian].
7. Tjupa, V. I. (2001), Narratologija kak analitika povestvovatel'nogo diskursa («Archierej» A. P. Chehova) [Narratology as analytics of narrative discourse. «A Bishop» by A. P. Chekhov], Tver State Univ, Tver. [in Russian].
8. Judin, Ju. I. (2006), Durak, shut, vor i chert (Istoricheskie korni bytovoj skazki) [Fool, Buffon, Robber and Devil (Historical Roots of Household Folktale)], Labirint, Moscow [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 21 лютого 2016 р.